

Poems

Стихотворения

TAMERLANE

Kind solace in a dying hour!
Such, father, is not (now) my theme —
I will not madly deem that power
Of Earth may shrive me of the sin
Unearthly pride hath revell'd in —
I have no time to dote or dream:
You call it hope — that fire of fire!
It is but agony of desire:
If I *can* hope — Oh God! I can —
Its fount is holier — more divine —
I would not call thee fool, old man,
But such is not a gift of thine.

Know thou the secret of a spirit
Bow'd from its wild pride into shame.
O yearning heart! I did inherit
Thy withering portion with the fame,
The sering glory which hath shone
Amid the Jewels of my throne,
Halo of Hell! and with a pain
Not Hell shall make me fear again —
O craving heart, for the lost flowers
And sunshine of my summer hours!
The undying voice of that dead time,
With its interminable chime,
Rings, in the spirit of a spell
Upon the emptiness — a knell.

I have not always been as now:
The fever'd diadem on my brow
I claim'd and won usurpingly —

ТАМЕРЛАН

Заката сладкая услада!
Отец! я не могу признать,
Чтоб власть земная — разрешать
Могла от правой казни ада.
Куда пойду за гордость я,
Что спорить нам: слова пустые!
Но что надежда для тебя,
То мне — желаний агония!
Надежды? Да, я знаю их,
Но их огонь — огня прекрасней,
Святей, чем все о рае басни...
Ты не поймешь надежд моих!

Узнай, как жажда славных дел
Доводит до позора. С детства
(О, горе! Страшное наследство!)
Я славу получил в удел.
Пусть пышно ею был украшен
Венец на голове моей,
Но было столько муки в ней,
Что ад мне более не страшен.
Но сердце плачет о весне,
Когда цветы сияли мне;
И юности рог отдаленный
В моей душе, невозвратим,
Поет, как чара: над твоим
Небытием — звон похоронный!

Я не таким был прежде. Та
Корона, что виски мне сжала,
Мной с бою, в знак побед, взята.

Hath not the same fierce heirdom given
Rome to the Caesar — this to me?
The heritage of a kingly mind,
And a proud spirit which hath striven
Triumphantly with human kind.

On mountain soil I first drew life:
The mists of the Taglay have shed
Nightly their dews upon my head,
And, I believe, the winged strife
And tumult of the headlong air
Have nestled in my very hair.

So late from Heaven — that dew — it fell
(‘Mid dreams of an unholy night)
Upon me with the touch of Hell,
While the red flashing of the light
From clouds that hung, like banners, o’er,
Appeared to my half-closing eye
The pageantry of monarchy,
And the deep trumpet-thunder’s roar
Came hurriedly upon me, telling
Of human battle, where my voice,
My own voice, silly child! — was swelling
(O! how my spirit would rejoice,
And leap within me at the cry)
The battle-cry of Victory!

The rain came down upon my head
Unshelter’d — and the heavy wind
Rendered me mad and deaf and blind.
It was but man, I thought, who shed
Laurels upon me: and the rush —
The torrent of the chilly air
Gurgled within my ear the crush
Of empires — with the captive’s prayer —
The hum of suitors — and the tone
Of flattery ‘round a sovereign’s throne.

Одно и то же право дало
Рим — Цезарю, а мне — венец:
Сознания мощного награда,
Что с целым миром спорить радо
И торжествует наконец!

На горных кручах я возрос.
Там, по ночам, туман Таглея
Кропил ребенка влагой рос;
Там взрывы ветра, гулы гроз,
В крылатых схватках бурно рея,
Гнездились в детский шелк волос.

Те росы помню я! Не спал
Я, грезя под напев ненастья,
Вкушая адское причастье;
А молний свет был в полночь ал;
И тучи рвал, и их знамёна,
Как символ власти вековой,
Теснились в высоте; но вой
Военных труб, но буря стоны
Кричали в переменной мгле
О буйных битвах на земле.
И я, ребенок, — о, безумный! —
Пьянея под стогласный бред,
Свой бранный клич, свой клич побед,
Вливал свой голос в хаос шумный.

Когда мне вихри выли в слух
И били в грудь дождем суровым,
Я был безумен, слеп и глух;
И мне казалось: лавром новым
Меня венчать пришел народ.
В громах лавины, в реве вод
Я слышал, — рушатся державы,
Теснятся пред царем рабы;
Я слышал — пленников мольбы,
Льстецов у трона хор лукавый.

My passions, from that hapless hour,
 Usurp'd a tyranny which men
Have deem'd, since I have reach'd to power,
 My innate nature — be it so:
 But, father, there liv'd one who, then,
Then — in my boyhood — when their fire
 Burn'd with a still intenser glow
(For passion must, with youth, expire)
 E'en *then* who knew this iron heart
 In woman's weakness had a part.

I have no words — alas! — to tell
The loveliness of loving well!
Nor would I now attempt to trace
The more than beauty of a face
Whose lineaments, upon my mind,
Are — shadows on th' unstable wind:
Thus I remember having dwelt
 Some page of early lore upon,
With loitering eye, till I have felt
The letters — with their meaning — melt
 To fantasies — with none.

O, she was worthy of all love!
 Love — as in infancy was mine —
'Twas such as angel minds above
 Might envy; her young heart the shrine
On which my every hope and thought
 Were incense — then a goodly gift,
 For they were childish and upright —
Pure — as her young example taught:
 Why did I leave it, and, adrift,
 Trust to the fire within, for light?

We grew in age — and love — together —
 Roaming the forest, and the wild;
My breast her shield in wintry weather —
 And, when the friendly sunshine smil'd,

Лишь с той поры жестокой страстью
Я болен стал, — упиться властью,
А люди думали, она,
Та страсть, тирану врождена.
Но некто был, кто, не обманут
Мной, знал тогда, когда я был
Так юн, так полон страстных сил
(Ведь с юностью и страсти вянут),
Что сердце, твердое как медь,
Способно таять и слабеть.

Нет речи у меня, — такой,
Чтоб выразить всю прелесть милой;
С ее волшебной красотой
Слова померятся ли силой?
Ее черты в моих мечтах —
Что тень на зыблемых листах!
Так замереть над книгой знанья
Запретного мне раз пришлось;
Глаз жадно пил строк очертанья...
Но буквы, — смысл их, — все слилось
В фантазиях... — без содержания.

Она была любви достойна;
Моя любовь была светла;
К ней зависть — ангелов могла
Ожечь в их ясности спокойной.
Ее душа была — что храм,
Мои надежды — фимиам
Невинный и по-детски чистый,
Как и сама она... К чему
Я, бросив этот свет лучистый,
К иным огням пошел во тьму!

В любовь мы верили, вдвоем
Бродя в лесах и по пустыням;
Ей грудь моя была щитом;
Когда же солнце в небе синем

And she would mark the opening skies,
I saw no Heaven — but in her eyes.

Young Love's first lesson is — the heart.
For 'mid that sunshine, and those smiles,
When, from our little cares apart,
And laughing at her girlish wiles,
I'd throw me on her throbbing breast,
And pour my spirit out in tears —
There was no need to speak the rest —
No need to quiet any fears
Of her — who ask'd no reason why,
But turn'd on me her quiet eye!

Yet *more* than worthy of the love
My spirit struggled with, and strove,
When, on the mountain peak, alone,
Ambition lent it a new tone —
I had no being — but in thee:
The world, and all it did contain
In the earth — the air — the sea —
Its joy — its little lot of pain
That was new pleasure — the ideal,
Dim, vanities of dreams by night —
And dimmer nothings which were real —
(Shadows — and a more shadowy light!)
Parted upon their misty wings,
And, so, confusedly, became
Thine image and — a name — a name!
Two separate — yet most intimate things.

I was ambitious — have you known
The passion, father? You have not:
A cottager, I mark'd a throne
Of half the world as all my own,
And murmur'd at such lowly lot —
But, just like any other dream,
Upon the vapor of the dew
My own had past, did not the beam

Смеялось нам, я — небеса
Встречал, глядя в ее глаза.
Любовь нас учит верить в чувство.
Как часто, вольно, без искусства,
При смехе солнца, весь в мечтах,
Смеясь девической причуде,
Я вдруг склонялся к нежной груди
И душу изливал в слезах.
И были речи бесполезны;
Не упрекая, не кляня,
Она сводила на меня
Свой взгляд прощающий и звездный.

Но в сердце, больше чем достойном
Любви, страстей рождался спор,
Чуть Слава, кличем беспокойным,
Звала меня с уступов гор.
Я жил любовью. Все, что в мире
Есть, — на земле, — в волнах морей, —
И в воздухе, — в безграничной шире, —
Все радости, — припев скорбей
(Что тоже радость), — идеальность, —
И суета ночной мечты, —
И, суета сует, реальность
(Свет, в коем больше темноты), —
Все исчезало в легком дыме,
Чтоб стать, мечтой озарено,
Лишь лик ее, — и имя! — имя! —
Две разных вещи, — но одно!

Я был честолюбив. Ты знал ли,
Старик, такую страсть? О нет!
Мужик, потом не воздвигал ли
Я трон полмира? Мне весь свет
Дивился, — я роптал в ответ!
Но, как туманы пред рассветом,
Так таяли мои мечты
В лучах чудесной красоты, —

Of beauty which did while it thro'
The minute — the hour — the day — oppress
My mind with double loveliness.

We walk'd together on the crown
Of a high mountain which look'd down
Afar from its proud natural towers
Of rock and forest, on the hills —
The dwindled hills! begirt with bowers
And shouting with a thousand rills.

I spoke to her of power and pride,
But mystically — in such guise
That she might deem it nought beside
The moment's converse; in her eyes
I read, perhaps too carelessly —
A mingled feeling with my own —
The flush on her bright cheek, to me
Seem'd to become a queenly throne
Too well that I should let it be
Light in the wilderness alone.

I wrapp'd myself in grandeur then
And donn'd a visionary crown —
Yet it was not that Fantasy
Had thrown her mantle over me —
But that, among the rabble — men,
Lion ambition is chain'd down —
And crouches to a keeper's hand —
Not so in deserts where the grand —
The wild — the terrible conspire
With their own breath to fan his fire.

Look 'round thee now on Samarcand! —
Is she not queen of Earth? her pride
Above all cities? in her hand
Their destinies? in all beside
Of glory which the world hath known
Stands she not nobly and alone?
Falling — her veriest stepping-stone

Пусть длится было ей (что в этом!)
Миг, — час, — иль день! Сильней, чем страсть,
Гнела ее двойная власть.

Раз мы взошли с ней до вершины
Горы, чьи кручи и стремнины
Вставали из волнистой тьмы,
Как башни; созерцали мы
В провалах — низкие холмы
И, словно сеть, ручьи долины.
Я ей о гордости и власти
Там говорил, — но так, чтоб все
Одним лишь из моих пристрастий
Казалось. И в глазах ее
Читал я, может быть невольный,
Ответ — живой, хоть безглагольный!
Румянец на ее щеках
Сказал: она достойна трона!
И я решил, что ей корона
Цветы заменит на висках.

То было — мысли обольщенье!
В те годы, — вспомни, мой отец, —
Лишь в молодом воображеньи
Носил я призрачный венец.
Но там, где люди в толпы сжаты,
Лев честолюбия — в цепях,
Над ним с бичом закон-вожатый;
Иное — между гор, в степях.
Где дикость, мрачность и громадность
В нем только разжигают жадность.

Взгляни на Самарканд. Ведь он —
Царь всей земли. Он вознесен
Над городами; как солому,
Рукой он держит судьбы их;
Что было славой дней былых,
Он разметал подобно грому.
Ему подножьем — сотни стран,
Ступени к трону мировому;

Shall form the pedestal of a throne —
And who her sovereign? Timour — he
 Whom the astonished people saw
Striding o'er empires haughtily
 A diadem'd outlaw!

O, human love! thou spirit given,
On Earth, of all we hope in Heaven!
Which fall'st into the soul like rain
Upon the Siroc-wither'd plain,
And, failing in thy power to bless,
But leav'st the heart a wilderness!
Idea! which bindest life around
With music of so strange a sound
And beauty of so wild a birth —
Farewell! for I have won the Earth.

When Hope, the eagle that tower'd, could see
 No cliff beyond him in the sky,
His pinions were bent droopingly —
 And homeward turn'd his soften'd eye.
'Twas sunset: when the sun will part
There comes a sullenness of heart
To him who still would look upon
The glory of the summer sun.
That soul will hate the ev'ning mist
So often lovely, and will list
To the sound of the coming darkness (known
To those whose spirits harken) as one
Who, in a dream of night, *would* fly
But *cannot* from a danger nigh.

What tho' the moon — the white moon
Shed all the splendor of her noon,
Her smile is chilly — and *her* beam,
In that time of dreariness, will seem
(So like you gather in your breath)
A portrait taken after death.
And boyhood is a summer sun

И кто на троне? — Тамерлан!
Все царства, трепетны и немые,
Ждут, что их сломит великан, —
Разбойник в блеске диадемы!

Ты, о Любовь, ты, чей бальзам
Таит целенье неземное,
Спадающая в душу нам,
Как дождь на луг, иссохший в зное!
Ты, мимо пронося свой дар,
Спаляющая, как пожар!
Ты, полнящая все святыни
Напевами столь странных лир
И дикой прелестью! — отныне
Прощай: я покорил весь мир.

Когда надежд орел парящий
Постиг, что выше нет вершин,
Он лёт сдержал и взор горящий
Вперил в свое гнездо у льдин.
Был свет вечерний. В час заката
Печаль находит на сердца:
Мы жаждем пышностью богатой
Дня насладиться до конца.
Душе ужасен мрак тумана,
Порой столь сладостный; она
Внимает песню тьмы (и странно
Та песнь звучит, кому слышна!).
В кошмаре, так на жизнь похожем,
Бежать хотим мы и не можем.

Пусть эта белая луна
На все кругом льет обольщенье;
Ее улыбка — холодна;
(Все замерло, все без движенья);
И в этот час тоски она —
Посмертное изображение!
Что наша юность? — Солнце лета.

Whose waning is the dreariest one —
For all we live to know is known
And all we seek to keep hath flown —
Let life, then, as the day-flower, fall
With the noon-day beauty — which is all.

I reach'd my home — my home no more —
For all had flown who made it so.
I pass'd from out its mossy door,
And, tho' my tread was soft and low,
A voice came from the threshold stone
Of one whom I had earlier known —
O, I defy thee, Hell, to show
On beds of fire that burn below,
An humbler heart — a deeper woe.

Father, I firmly do believe —
I *know* — for Death who comes for me
From regions of the blest afar,
Where there is nothing to deceive,
Hath left his iron gate ajar,
And rays of truth you cannot see
Are flashing thro' Eternity —

I do believe that Eblis hath
A snare in every human path —
Else how, when in the holy grove
I wandered of the idol, Love,
Who daily scents his snowy wings
With incense of burnt offerings
From the most unpolluted things,
Whose pleasant bowers are yet so riven
Above with trellic'd rays from Heaven
No mote may shun — no tiniest fly —
The light'ning of his eagle eye —
How was it that Ambition crept,
Unseen, amid the revels there,
Till growing bold, he laughed and leapt
In the tangles of Love's very hair?

Как горестен ее закат!
Уж нет вопросов без ответа,
Уж не прийти мечтам назад;
Жизнь вянет, как цветок, — бескровней,
Бескрасочней от зноя... Что в ней!

Я в дом родной вернулся, — но
Чужим, пустым он стал давно.
Вошел я тихо в сени дома
Дверь мшистую толкнув, поник
У входа, — и во тьме возник
Там голос, прежде столь знакомый!
О, я клянусь тебе, старик!
В аду, в огне и вечной ночи,
Нет, нет отчаянья жесточе!

Я вижу в грезах осиянных, —
Нет! знаю, ибо смерть, за мной
Идя из области избранных,
Где быть не может снов обманных,
Раскрыла двери в мир иной,
И истины лучи (незримой
Тебе) мне ярки нестерпимо, —
Я знаю, что Иблис в тени
Поставил людям западни.
Иначе как же, в рощах нежных
Любви, той, чей так светел взгляд,
Той, что на перья крыльев снежных
Льет каждодневно аромат
Людских молитв, дар душ мятежных, —
В тех рощах, где лучи спуют
Сквозь ветви блеском столь богатым,
Что даже мошки, даже атом
От глаз Любви не ускользнут, —
Как мог, скажи мне, там разлиться
Яд честолюбия в крови
Столь дерзко, чтоб с насмешкой впитаться
В святые волосы Любви!

SONG

I saw thee on thy bridal day —
 When a burning blush came o'er thee,
Though happiness around thee lay,
 The world all love before thee:

And in thine eye a kindling light
 (Whatever it might be)
Was all on Earth my aching sight
 Of Loveliness could see.

That blush, perhaps, was maiden shame —
 As such it well may pass —
Though its glow hath raised a fiercer flame
 In the breast of him, alas!

Who saw thee on that bridal day,
 When that deep blush *would* come o'er thee,
Though happiness around thee lay,
 The world all love before thee.

ПЕСНЯ

Я в день венчанья увидал,
 Как вспыхнула ты жарко —
Хоть мир блаженства ожидал
 Тебя, блистая ярко.

И кроме этого огня
 (О, чем он был зажжен?),
Все потемнело для меня —
 Остался только он!

То не девичий стыд пылал —
 Он канул бы во тьму!
Огонь же этот грудь разъял
 И сердце сжег тому,

Кто в день венчанья увидал,
 Как вспыхнула ты жарко,
Хоть мир блаженства ожидал
 Тебя, блистая ярко.

DREAMS

Oh! that my young life were a lasting dream!
My spirit not awak'ning till the beam
Of an Eternity should bring the morrow:
Yes! tho' that long dream were of hopeless sorrow,
'Twere better than the dull reality
Of waking life to him whose heart shall be,
And hath been ever, on the chilly earth,
A chaos of deep passion from his birth!

But should it be — that dream eternally
Continuing — as dreams have been to me
In my young boyhood — should it thus be given,
'Twere folly still to hope for higher Heaven!
For I have revell'd, when the sun was bright
In the summer sky; in dreamy fields of light,
And left unheedingly my very heart
In climes of mine imagining — apart
From mine own home, with beings that have been
Of mine own thought — what more could I have seen?

'Twas once and *only* once and the wild hour
From my remembrance shall not pass — some power
Or spell had bound me — 'twas the chilly wind
Came o'er me in the night and left behind
Its image on my spirit, or the moon
Shone on my slumbers in her lofty noon
Too coldly — or the stars — howe'er it was
That dream was as that night wind — let it pass.

МЕЧТЫ

О, будь вся юность долгим сном одним,
Чтоб пробуждался дух, объятый им,
Лишь на рассвете вечности холодной;
Будь этот сон печален безысходно, —
И все ж удел подобный предпочтет
Безрадостной и косной яви тот,
Чье сердце предназначено с рожденья
Страстей глубоких испытать смятенье.

Но будет сходен сон такой иль нет
С фантазиями отроческих лет,
Когда бывают грезы столь прекрасны,
Что лучших небо ниспослать не властно?
Как часто ярким полднем в летний зной
Я, мысленно покинув дом родной,
Скитался по далеким чуждым странам,
Плыл к существам неведомым и странным,
Плодам воображенья моего...
Что мог еще желать я сверх того?

Лишь раз пора мечтаний нам дается,
Тоска ж по ней до смерти остается.
Уж не под властью ль тайных чар я жил?
Не ветер ли ночной в меня вложил
Свой образ и порывы? Не луна ли
Меня манила в ледяные дали?
Не к звездам ли с земли меня влекло?
Не знаю. Все, как вихрем, унесло.

I have been happy — tho' but in a dream.
I have been happy — and I love the theme —
Dreams! in their vivid colouring of life —
As in that fleeting, shadowy, misty strife
Of semblance with reality which brings
To the delirious eye more lovely things
Of Paradise and Love — and all our own!
Than young Hope in his sunniest hour hath known.

СОДЕРЖАНИЕ

«Эдем мечтаний и сновидений». Ю. В. Ковалев 5

Поems

Стихотворения

Tamerlane.	50
Тамерлан. <i>Перевод В. Брюсова</i>	51
Song.	64
Песня. <i>Перевод С. Степанова</i>	65
Dreams	66
Мечты. <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	67
Spirits of the Dead	70
Духи мертвых. <i>Перевод С. Степанова</i>	71
Evening Star	74
Вечерняя звезда. <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	75
A Dream within a Dream	76
Сон во сне. <i>Перевод Н. Лебедевой</i>	77
Stanzas	78
Стансы. <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	79
A Dream	82
Сон. <i>Перевод С. Степанова</i>	83
«The happiest day — the happiest hour»	84
«Счастливейший день! Счастливейший час!» <i>Перевод Т. Гнедич</i>	85
The Lake: To —	86
Озеро. К***. <i>Перевод Г. Усовой</i>	87
Sonnet — to Science.	88
Сонет к науке. <i>Перевод С. Степанова</i>	89
Al Aaraaf. Extracts.	90
Аль Аарааф. Фрагменты	91
Гимн Несэси. <i>Перевод В. Брюсова</i>	91
Песнь Низейс. <i>Перевод С. Степанова</i>	93

Romance	98
Романтика. <i>Перевод С. Степанова.</i>	99
To — («The bowers...»)	100
К *** («Мираж поющего куста...») <i>Перевод С. Степанова</i>	101
To the River —	102
К ручью. <i>Перевод В. Брюсова.</i>	103
To M — («O! I care not...»)	104
К М. («Не в том беда...»). <i>Перевод Г. Бена.</i>	105
Fairyland	106
Волшебная страна. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	107
To Helen	110
К Елене. <i>Перевод С. Степанова.</i>	111
Israfil	112
Исрафил. <i>Перевод С. Степанова</i>	113
The sleeper	116
Спящая. <i>Перевод В. Брюсова</i>	117
The Valley of Unrest	120
Долина непокоя. <i>Перевод А. Глебовской</i>	121
The City in the Sea	122
Город среди моря. <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	123
To One in Paradise	126
К одной из тех, которые в раю <i>Перевод К. Бальмонта.</i>	127
Hymn	130
Гимн. <i>Перевод Ал. Ал. Щербакова</i>	131
Serenade	132
Серенада. <i>Перевод В. Топорова</i>	133
The Coliseum	134
Колизей. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	135
To F—S S. O—D	138
В альбом (Френсис Сарджент Осгуд) <i>Перевод В. Брюсова.</i>	139
To F —	140
К Ф. <i>Перевод В. Брюсова</i>	141
Bridal Ballad	142
Венчальная баллада. <i>Перевод Н. Лебедевой.</i>	143

To Zante	146
Занте. <i>Перевод К. Бальмонта</i>	147
The Haunted Palace	148
Дворец с привидениями. <i>Перевод Е. Фельдмана</i>	149
Sonnet — Silence	152
Тишина. <i>Перевод С. Степанова</i>	153
The Conqueror Worm	154
Червь победитель. <i>Перевод В. Брюсова</i>	155
Lenore	158
Линор. <i>Перевод Г. Усовой</i>	159
Dream-land	162
Страна сна. <i>Перевод Г. Бена</i>	163
Eulalie	166
Лелли. <i>Перевод К. Бальмонта</i>	167
The Raven	168
Ворон. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	169
A Valentine	178
Другу сердца в день святого Валентина <i>Перевод Ал. Ал. Щербакова</i>	179
To M. L. S —	180
К М. Л. Ш. («Из всех, кому тебя увидеть...») <i>Перевод К. Бальмонта</i>	181
To — («Not long ago...»)	182
К М. Л. Ш. («Еще недавно автор этих строк...») <i>Перевод В. Топорова</i>	183
Ulalume — a Ballad	184
Улялюм. <i>Перевод В. Топорова</i>	185
An Enigma	192
Загадочный сонет. <i>Перевод Ал. Ал. Щербакова</i>	193
The Bells	194
Колокола. <i>Перевод С. Степанова</i>	195
To Helen («I saw thee once...»)	202
К Елене («Тебя я видел раз...»). <i>Перевод В. Рогова</i>	203
For Annie	206
Энни. <i>Перевод Н. Голя</i>	207
Eldorado	214
Эльдорадо. <i>Перевод С. Степанова</i>	215

To My Mother	216
Сонет к моей матери. <i>Перевод В. Топорова</i>	217
Annabel Lee	218
Аннабель-Ли. <i>Перевод К. Бальмонта</i>	219
Imitation	222
Имитация. <i>Перевод В. Брюсова</i>	223
Alone	224
Один. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	225
To Isaac Lea	226
Айзеку Ли. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	227
Elizabeth	228
Элизабет Р. Херринг. <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	229
An Acrostic	230
Акростих. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	231
Introduction	232
Вступление. <i>Перевод С. Степанова</i>	233
Fairy Land	236
Страна фей. <i>Перевод В. Брюсова</i>	237
The Valley Nis	240
Долина Нис. <i>Перевод А. Глебовской</i>	241
A Paean	244
Пэан. <i>Перевод В. Брюсова</i>	245
Комментарии. <i>Ю. В. Ковалев</i>	248

Литературно-художественное издание

ЭДГАР АЛЛАН ПО
ВОРОН

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Александра Савастени
Корректоры Татьяна Бородулина, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 11.03.2019. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 12,69. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.pf
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AKB-15127-06-R